

*аспирантка кафедры истории
мировой литературы и культуры
ХДУ*

ОБРАЗ ПРОРОКА - МЕССИИ В СБОРНИКЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО "ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ"

статья вторая

Ключевые образы религиозно-поэтического сознания Андрея Белого – Иисус Христос, "Новый Христос", "безумно смешной лжехристос", "арлекин", обманщик, "замолчавший пророк", "дурак" "безумец" "лже-Христос" – играют роль своеобразного кода, важного не только для создания особого поэтического универсума, но и для адекватной интерпретации поэтического текста. Известно, что код – это ассоциативные поля, сверткестовая организация значений, которые вызывают представление об определенной, уже сложившейся структуре [14, с.76]. На наш взгляд, ключом к пониманию всех этих образов у Андрея Белого является сложный метаморфизм стихотворений "Солнце", "За Солнцем", "Закаты", "Золотое руно". Пользуясь языком усложненно-метафорическим, поэт пытается выразить свое отношение к новой религии, им проповедуемой. Структурообразующими становятся концепты света (свет как характеристика Бога, Божественного мира), лазури и зари. Поэт олицетворяет Христа с образом Солнца, который является определенным кодом для понимания текста. Солнце – это природная икона Бога, а метафора "золото в лазури" ассоциируется с солнцем в небе, с Христом и верой. Реализацию этого символа находим в таких строках: "Солнцем сердце зажжено./ Солнце – к вечному стремительность. / Солнце – вечное окно/ в золотую ослепительность" [4, с.517]. Эти строки похожи на эсхатологические пророчества поэта, где главный символ истолковывается как идеальное устремление в другой мир за Солнцем с соответствующим изменением пространства. В этой новой религии поэт становится носителем тайного шифра, "обладателем нового знания" (А. Блок) [5, с.213], "тайновидцем и тайнотворцем жизни" (В. Иванов).

В цикле стихотворений "Блоку" (1903) и в стихотворении "Маг" (1903) у Андрея Белого появляется образ поэта-пророка, причем он наделяет этим званием вполне реальных, живых людей: А. Блока и В. Брюсова. В текстах оба "пророка" высоко вознесены над землей, царят "в холодной вышине", соотносятся с "земным владыкой", Богом и основателем "жизни новой". Их одиночество свидетельствует об их избранности, а ожидание их прихода соединяется с символистскими чаяниями "жениха озаренного", то есть того, кто несет печать "зорь" и "безвременной весны". Но А. Белый вполне осознает существенную духовную разницу между Блоком и Брюсовым: если А. Блока автор, увлекавшийся в то время чтением Апокалипсиса, соотносит с Христом: "Он стоял, как пророк, / в багрянице, свободный, могучий" [4, с.614], то другого "пророка" прямо именует магом, изображая В. Брюсова во всем хорошо известной и любимой артистической позе: "Застывший маг, сложивший руки" [4, с.571].

А. Белый называет Брюсова Магом не случайно. Это своеобразное поэтическое продолжение спора между двумя поэтами, начавшееся в реальной жизни и продолжавшееся на страницах поэтических текстов. Споря с Брюсовым, который рассматривает символизм лишь как школу искусства, Белый настаивает на творящей, преобразующей духовной роли символизма, видя в нём "революцию духа". Символизм – не школа стиха, – возражает он Брюсову, – "а новая жизнь и спасение человечества" [14, с.25].

Андрей Белый в поэзии ощущает приближение к трансцендентной реальности, граничащей с чудотворством. Поэтическая истина где-то выше человеческих умственных и

моральных категорий. Обольщенный величием своего призвания, поэт-символист считает себя членом высокого ордена, жрецом, не только метафорически; обращаясь из искусства в тайнодействие, поэтическое творчество связывает его с судьбой человека на земле, с судьбой всего человечества... [13, с.17-18].

Андрей Белый примыкал к разным герметическим обществам. С.К.Маковский отмечает: "Белый не мыслил поэзию иначе, как теургией, а когда он из дебрей антропософских мудрствований тянулся к родному хлыстовству, то неудержимо обращалась его символика в сектантское заклинание" [13, с.22] Идея богоизбранности поэта настолько покоряла, что даже такие искушенные богословы, как, например, Сергей Булгаков заговорил о поэзии, вообще об искусстве и красоте, с религиозной восторженностью: "Существует один белый луч красоты, – свет Фаворский, который разлагается на семицветную радугу искусства".

У А. Белого идет "смешение" понятий "пророк", "маг", "теург", а потом и вовсе поэт объявляет себя новым Христом, мессией: "Проповедуя скорый конец, / я предстал, словно новый Христос" ("Вечный зов"), "Он, как новый Христос, / просиявший учитель веселья" ("Не тот"), "Он стоит, как кумир, / как весенний пророк / Осиянный мечтою" ("Старец"). Новый Христос Андрея Белого также, как и библейский Иисус Христос, осмеян, не понят людьми, только распятие происходит не на Голгофе, а в сумасшедшем доме, в воспаленном сознании больного.

Воспринимая назначение каждого поэта как осуществление миссии теурга, в цикле "Вечный зов" поэт выступает с проповедью "словно новый Христос". В первой и последней строфе первой части стихотворного триптиха звучит "напев": "Объявись - зацелую тебя" [4, с.521]. Этот напев лирическому "я" поэту похож на божественное откровение, напеваемое Вечностью, судя по называнию цикла "Вечный зов". В своей работе "Символизм как миропонимание" Андрей Белый через софийские мотивы, а именно образ-символ Вечности, вносит невнятный "шепот" оккультного, "нагружая" понятием скрытой идеи [2, с.208].

Герой ждет Христа и верит в его грядущее пришествие. Как Христос принимает смерть за грехи людские, так и лирический герой-поэт произносит слова молитвы за все человечество, уподобляясь образу Спасителя. Неслучайно подобрана метафора "склонился с мольбою за всех". Лирический герой, услышав зов Вечности, верит в свою богоизбранность. Он чувствует себя пророком-мессией, новым Лицом Откровения, и во втором стихотворении цикла предстает "новым Христом": "Проповедуя скорый конец, я предстал, словно новый Христос" [4, с.522]. Лирический герой, в отличие от Иисуса Христа, сам возлагает на себя терновый венец, упоминание о котором мы можем прочесть у трех евангелистов: "И, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!" (Мф.27:29). "И одели Его в багряницу, и, сплетши терновый венец, возложили на Него" (Мк.15:17). "И воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову, и одели Его в багряницу" (Ин.19:2)". И так же, как Христос, лирический герой не понят и осмеян людьми. "Хохотали они надо мной, / над безумно-смешным лжехристом. / Капля крови огнистой слезой застывала, дрожа над челом" [4, с.522].

Появившаяся капля крови – это деталь, которая ассоциируется с восхождением Спасителя на Голгофу. Лирический герой уподобляется Христу в его крестном пути, смиренно принимая страдания, насмешки и побои. "Я сижу под окном. / Прижимаясь к решетке, молясь" [4, с.522] – это вновь слышимый голос Вечности и ее грустно задумчивое "Объявись – зацелую тебя" [4, с.522]. Этот зов долетает из окна тюремной решетки, куда помещен лирический герой. Он молится и не теряет надежды. Мотив надежды, любви и спасения, соединенный с горькой иронией, прослеживается в двух последних строфах цикла: "...ей машу колпаком: "Скоро, скоро увидимся мы". Или: "Полный радостных мук / утихает дурак" [4, с.522].

В работах, посвященных своеобразию лирического героя Андрея Белого, существует разброс мнений, что вполне закономерно. Так, в исследованиях Л.А. Колобаевой лирический герой поэта то ли безумец, вообразивший себя Христом, то ли символ реального присутствия Спасителя среди не узнавших его людей [9, с.198]. Аврил Пайман отмечает, что на первый план выходит тема поэта как лже-Христа. Распятый своими последователями за то, что он раньше времени провозгласил "конец", он становится объектом насмешек и надруганий [12, с.195].

В статье Т.Хмельницкой "Литературное рождение Андрея Белого", "лже-Христос" – это поэт-пророк, и в тоже время безумец, юродивый, осмеянный страдалец. Эти выводы исследовательница сделала из письма Андрея Белого А. Блоку в 1903 году: "Роль юродивого, анархиста, декадента, шута мне послана свыше. С покорностью принимаю ее" [17, с.81].

По свидетельству современника поэта Иванова-Разумника, в 1903 году Андрей Белый испытывает тяжелый душевный переворот: его оставляет вера в близость Христа грядущего, в грядущее вместе с ним спасение; "вчера еще Андрей Белый ждал Христа, а сегодня он не ждет уже никого, кроме лже-Христа... Вчера он слышал вечный зов земли: "Объявись – зацелую тебя!" ("Вечный зов", 1903 г.), а сегодня он пишет непосредственно следующее за "Вечным зовом" стихотворение "Не тот", характерное уже по заглавию [6, с.564].

Проанализируем мотивы, образы и символику цикла "Не тот". В первом стихотворении лирический герой призывает Христа: "О, где ты, где, Великий Бог", но этот призыв звучит не как обычное молитвенное обращение, а как заклинание: "Откройся нам, священное дитя / О, долго ль ждать, / шутить, грустя, и умирать" [4, с.526]. Призыв усиливается, и через образ туманного Назарета, связанного в религиозно-поэтическом сознании автора с жизнью и смертью Христа, ожидается появление мифологического персонажа. Судя по названию цикла – "Не тот", это будет не евангельский Спаситель и даже не апокалипсический Белый Всадник, а Новое Лицо Откровения.

Во втором стихотворении цикла мы встречаемся с незнакомцем, в чьем взоре можем прочесть "что было, что есть и что будет". Все стихотворение наполнено христианской символикой. Возможно, этот Незнакомец и есть Бог. Он наделен софийными, "золотолазурными" атрибутами: "Восседает меж белых камней / на лугу с лучезарностью кроткой / незнакомец с лазурью очей, / с золотою бородкой" [4, с.527]. Но предпоследняя строфа рассеивает наши предположения – это не Спаситель, не христианский Бог, а кто-то новый, возомнивший себя Богом. Он заменяет крест как символ духовного оружия, на букет фиалок. "И сказал, прижимая, как скипетр, фиалки: "Побеждаеши сим!"" (По христианской легенде императору Константину Бог явил сияющее знамение Креста с надписью: "Сим побеждай").

Незнакомец призывает народы и обещает построить храм: "Приходите ко мне, мы воздвигнем наш храм" [4, с.528], предсказывает свою гибель за людей: "Я погибну за вас, / беззаветно смеясь и любя" [4, с.528] и как Христос приносит себя в жертву людям: "Приношу в этот час, / как вечернюю жертву себя..." [4, с.528]. В последней строфе лирический герой, называющий себя "Новым Христом", посылает надежду, что с его появлением последует преображение природы, человечества и личности: "Ах, лазурью очей / я омою вас всех. / Белизною моей / успокою ваш огненный грех" [4, с.529].

Обращает внимание колористика. Красно-белая символика стихотворений – символ святости и мученичества. В христианстве красный цвет говорит о крови Иисуса, символизирует сердце, эмблематика которого сопряжена с добродетелями любви и сострадания, т.е. персонифицирована природа личности Христа. Роза красная – символ милосердия и мученичества, она выросла из капель крови Христа на Голгофе. Белый цвет в стихотворении конкретизируется символом белых роз: "Он – букет белых роз. / Чаша он мировинного зелья. / Он, как новый Христос, / просиявший учитель веселья" [4, с.528]. Обновление человека поэт связывает с реализацией апокалиптической христианской метафоры: "И еще грехи ваши будут яко багряное, то яко снег убелю" [2, с.438]. Рисуется

картины небесного свода, "переливчатые мозаики драгоценных камней, постоянно меняющиеся пламенные краски, заимствованные из описания Нового Иерусалима в "Откровении" Иоанна, считает А. Пайман [12, с.14]. Небесные красные зори наделяются вселенским религиозно-философским смыслом: заря восходящего века становится знаком апокалиптических предчувствий, грядущих преображений, выбором пути между смертью и возрождением, характерным для мирочувствия рубежа веков [8, с.85].

Но вот в последующих стихотворениях цикла "Не тот" доминирующим мотивом является мотив разочарования. Когда он, приявший венец, сел на трон, то "голос бури мировой раздался вдруг сердитый" [4, с.529] и "тени грозные легли..." [4, с.529]. И вот – "от стран далекого востока мы все увидели вдали седобородого пророка... . И царь испуганный, корону сняв, во тьму бежал..." [4, с. 530]. Все увидели немислимое: Бога беспомощного, уязвимого, смиренного, как будто побежденного ("О, мой царь! Ты запуган и жалок", "О, дитя, вся в лохмотьях твоя багряница", " на лице снеговом голубые, безумные очи", "О, мой царь, о, бесцарственно-жалкий"), и отвернулись, потому что такого Бога они себе не хотели. Это – "не тот", не Мессия, которого так ждала душа Андрея Белого; это лишь – сон сумасшедшего. Люди увидели в незнакомце не Новое лицо Откровения, а безумца, Лжехриста, юродивого, идущего на казнь, которую он заслужил. Безумие – один из лейтмотивов четвертого, пятого и шестого стихотворений цикла " Не тот". Лирический герой поэта пытается духовно, мистически приблизиться к Христову идеалу и стать в той или иной мере Богочеловеком, т.е. потенциально самим Христом. Но задача непосильна, поэтому он становится им только в своих глазах, а окружающими воспринимается Лжехристом и безумцем.

Цикл стихотворений "Не тот" объясняет философию Андрея Белого: из существа, привязанного к земле, человек становится явлением космического масштаба. Он стремится перевоссоздать мир и преобразить собственную природу, воплотиться в Человекобога (в отличие от Богочеловека Христа), на равных беседовать с Абсолютом. Андрей Белый не принимает многие догматы христианской философии, но преклоняется перед личностью Иисуса, пытаясь по-своему осмыслить содержащиеся в Евангелии апокалипсические пророчества. Через образ нового Христа, который воспринимается окружающими безумцем, А. Белый предвидит тип человека последующего столетия и предвосхищает современных ученых, констатирующих, что человек в искусстве XX века "оказался трагически распятым своей эпохой, подобно христианскому Богу, распятым на кресте парадоксов его возможностей и его деяний, недостижимого идеала-абсолюта, с одной стороны, и безнадежности абсурдного существования, с другой" [15, с.32-33].

Раскрытие сущности человека как духочеловека, как человекобога становится определенным художественным откровением Андрея Белого и развивается, повторяется, варьируется, вбирает в себя новое содержание на протяжении всей жизни и в поэтических сборниках, и в прозаических экспериментах, и в теоретических построениях поэта.

Литература:

1. Белый Андрей: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сборник. – М.: Советский писатель, 1988. – 832 с.
2. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М.: Республика, 1994. – 528 с. – (Мыслители XX в.)
3. Белый А. Начало века. – М., 1990. – 570 с.
4. Белый А. Петербург: Роман. Стихотворения / Андрей Белый; [вст.ст. Вл. Ходасевича]. – М.: Эксмо, 2008. – 800 с. – (Библиотека Всемирной Литературы).
5. Блок А. О современном состоянии русского символизма / А.Блок // О литературе. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 204-214.

6. Иванов-Разумник. Вершины: о романе Андрея Белого "Петербург" [Электронный ресурс]. / Иванов-Разумник. Режим доступа: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=870>, свободный.
7. Ильинская Н.И. Между миром и Богом: духовные и художественные искания Юрия Кузнецова: Монография. – Херсон: Айлант, 2008. – 164 с.
8. Ильинская Н.И. Религиозно-поэтические искания в русской поэтической традиции рубежей XX века: специфика сознания, концептосфера, типология: Монография. – Херсон: Айлант, 2005. – 468 с.
9. Колобаева Л.А. Русский символизм. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2000. – 296 с.
10. Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. – М., 1995. – 336 с.
11. Лосская-Семон М.В. О религиозном призвании русской литературы // Вестник Санкт Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 2. (№ 9). – СПб, 1993. – С. 27-34.
12. Пайман А. История русского символизма / Авторизованный пер. Пер. с англ. В.В. Исаакович. – М.: Республика, 1998. – 495 с.
13. Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века. – М: Изд-во "Наш дом"; Екатеринбург: издательство " У-Фактория", 2000. – 400 с.
14. Русские символисты: Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый. – Томск, 1996. – 423 с.
15. Шабловская И.В. История зарубежной литературы XX века (первая половина): учеб. пособие для студ. вузов / И.В. Шабловская. – Минск: Экономпресс, 1998. – 382 с.
16. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / пер. с нем. М.Ю. Некрасова. – СПб.: "Академический проект", 2003 – 816 с.
17. Хмельницкая Т.Ю. Литературное рождение Андрея Белого // Блоковский сборник VI. А. Блок и его окружение. – Тарту. 1985. – С. 66-84.

Анотація

Н. ЛИТОВЧЕНКО. ОБРАЗ ПРОРОКА – МЕСІЇ У ЗБІРЦІ АНДРІЯ БЕЛОГО "ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ"

У статті розглянуто динаміку релігійно-філософських поглядів Андрія Білого. Доведено, що духовні основи світу поета розкриваються через образ пророка-месії, художньо втілений у кількох іпостасях: у символічному образі Ісуса Христа, в образі пророка-поета, який прирівнюється до Бога, а також в образі юродивого, що ідентифікує себе з "новим Христом".

Ключові слова: образ Ісуса Христа, пророк-месія, юродивий, Лже-Христос, релігійні мотиви.

Аннотация

Н. ЛИТОВЧЕНКО. ОБРАЗ ПРОРОКА – МЕССИИ В СБОРНИКЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО "ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ"

В статье рассматривается динамика религиозно-философских взглядов Андрея Белого. Доказывается, что духовные основы мира поэта раскрываются через образ пророка-мессии, который художественно воплощен в нескольких ипостасях: в символическом образе Иисуса Христа, в образе пророка-поэта, который уподобляется Богу, а также в образе юродивого, идентифицирующего себя с "новым Христом".

Ключевые слова: образ Иисуса Христа, пророк-мессия, юродивый, Лже-Христос, религиозные мотивы

Annotation

**N. LYTOVCHENKO. THE IMAGE OF THE PROPHET - MESSIAH IN THE
COLLECTION OF ANDREI BELY "GOLD IN AZURE"**

The article deals with the dynamics of religious and philosophical views of Andrei Bely. We prove that the spiritual foundation of the poet's world is revealed through the image of the prophet-messiah, who is artistically embodied in several incarnations: a symbolic image of Jesus Christ, in the image of the prophet-poet who is equated with God, as well as in the image of a holy fool, identifying himself with "the new Christ".

Key words: Prophet-Messiah, God's fool, Jesus Christ, religious motives